

АНТИКРИЗИСНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

А.А. Быков, Н.А. Хаустович, С.А. Гуринович*

Аннотация. Проанализирована проблема устойчивости рыночной экономики, движимой стимулированием потребительского спроса, к неблагоприятным внешним шокам геополитического, социального, природного характера. Раскрыты меры, которые в современной истории применялись для противодействия такого рода шокам. Рассмотрены некоторые примеры с реакцией государств на внешние шоки, включая пандемию COVID-19 и военную угрозу. Предложены рекомендации по применению мер государственного антикризисного регулирования, преимущественно монетарного и фискального характера, направленных на нейтрализацию внешних шоков.

Ключевые слова: антикризисное регулирование, монетарное и фискальное стимулирование, расходы домохозяйств на конечное потребление, пандемия COVID-19, военные расходы.

JEL-классификация: E12, H12, H56.

DOI: 10.46782/1818-4510-2023-4-103-114

Материал поступил 27.11.2023 г.

Потребительской экономикой можно назвать модель экономического роста, получившую развитие с 1950-х годов в США и Европе, при которой стимулируется спрос, увеличивается предложение товаров и услуг за счет массового их производства, постоянно растет уровень жизни населения при расширении среднего класса. С 1990-х такая модель роста стала глобальной, охватив Азию и большую часть мира. Модель социально ориентированной рыночной экономики Беларуси также близка к потребительской, она растет либо за счет внутреннего спроса на товары и услуги, либо за счет их экспорта в другие страны с потребительской экономикой.

С 1950-х годов развитые страны еще не сталкивались с серьезными внешними шоками, которые могли бы полностью дестабили-

зировать потребительскую экономику, поэтому пока они не апробировали другой модели роста и не выработали другой ее альтернативы. Капитализм за свою историю успешно пережил войны, социальные и природные потрясения, но он не идентичен потребительской экономике, поскольку до середины XX в. в большинстве капиталистических стран преобладало бедное население, а отношение экспорта и импорта к ВВП было существенно ниже, чем сегодня. Тогда не существовало проблемы высокой степени зависимости экономического роста от потребительского поведения широких слоев населения, особенно среднего класса. Поэтому экономический рост в наше время является следствием социальной стабильности, а социальная стабильность поддерживается при условии постоянного увеличения доходов.

* **Быков Алексей Александрович** (aliaksei.bykau@yandex.ru), доктор экономических наук, профессор, Белорусский государственный экономический университет (г. Минск, Беларусь); <https://orcid.org/0000-0003-2005-9061>

Хаустович Наталья Александровна (natahk@mail.ru), кандидат экономических наук, Белорусский государственный экономический университет (г. Минск, Беларусь);

Гуринович Сергей Анатольевич (sspa77@mail.ru), Белорусский государственный экономический университет (г. Минск, Беларусь); <https://orcid.org/0009-0000-2983-9641>

Для цитирования: Быков А.А., Хаустович Н.А., Гуринович С.А. 2023. Антикризисное регулирование потребительской экономики: возможности и ограничения. *Белорусский экономический журнал*. № 4. С. 103–114. DOI: 10.46782/1818-4510-2023-4-103-114

Потребительская экономика функционирует в условиях достаточно эффективного, близкого к оптимальному распределения ресурсов, что достигается высоким уровнем межрегиональной и межотраслевой кооперации, синхронизацией производственных процессов, снижением производственных запасов и высоким уровнем загрузки производственных мощностей. В стремлении наращивать доходы предпринимательский сектор и наемные лица работают весьма интенсивно. Поэтому в случае непредвиденного кризиса или шока резервы производственных возможностей и производственных ресурсов ограничены, что делает экономику весьма уязвимой к непредвиденным событиям.

О каких внешних шоках, способных дестабилизировать потребительскую экономику, идет речь? Прежде всего это вооруженные конфликты, интенсивность которых в последние годы усилилась во всем мире. В литературе часто обсуждается вопрос необходимости наращивания вооружений для военных целей. Чтобы их произвести, следует перераспределить ресурсы (денежные, трудовые, сырьевые) из «гражданского» в оборонный сектор, что приведет к вынужденному сокращению производства и потребления товаров и услуг. Как адаптировать потребительскую экономику к такому сценарию?

Наряду с самой очевидной, военной угрозой, существует и множество других. Пандемия COVID-19 уже испытала на прочность все экономики мира, и они справились главным образом за счет денежной эмиссии, что привело к инфляции, с последствиями которой экономики сталкиваются до сих пор. Негативные последствия эмиссии были предсказуемы, но она считалась необходимой для сохранения социальной стабильности в развитых странах.

Высокую опасность представляют социальные кризисы, вызванные миграцией населения. В результате войны в Сирии большое число мигрантов прибыло в Ливан, экономика которого не выдержала нагрузки. В результате нарастания госрасходов, бюджетного дефицита и госдолга в Ливане произошел дефолт, уровень доходов сократился в среднем в 10 раз, и фактически произошел коллапс государства.

Перечисленные кризисные события названы внешними шоками по причине того, что их природа имеет внеэкономический характер. Эти кризисы не продуцируются напрямую экономической системой, не являются результатом внутренних проблем сфер товарного и денежного обращения, а вызваны геополитическими, биологическими, природными и прочими внеэкономическими факторами.

Сторонники теории устойчивого развития предлагают заранее отказаться от потребительской экономики, которая, по их мнению, рано или поздно приведет к крупным природным катаклизмам и будет в любом случае свернута. Такие конструкции и модели развития, как ESG-экономика и degrowth, пока что популярны в литературе и экспериментальных проектах, но не приняты в качестве доминантной стратегии в какой-либо стране – экономика развитых стран остается потребительской.

В российских литературных источниках обсуждается гипотетическая возможность перехода к модели распределительной экономики, которая существовала во времена СССР и сегодня свойственна, например, КНДР. Такая модель способствует успешному противостоянию различным внешним шокам, включая военные, вот только сам переход к этой модели представляет собой не меньший социальный шок, способный взорвать общество и разрушить экономику изнутри. Тем более тезис о целесообразности возврата к распределительной экономике равнозначен признанию, что предыдущие 33 года были потрачены напрасно.

Поэтому хотя бы на теоретическом уровне целесообразно рассмотреть вопрос об адаптационных возможностях потребительской модели рыночной экономики и ее способности противостоять внешним шокам.

Обзор литературы

В научной и публицистической литературе используется много синонимов потребительской экономики – экономика сверхпотребления, гиперпотребления, перепотребления, консьюмеризма. П. Стернс определяет консьюмеризм как социальный и экономический порядок, при котором цели

многих людей включают приобретение товаров и услуг, выходящих за рамки тех, которые необходимы для выживания (Stearns, 2006). Во время промышленной революции, особенно в XX в., массовое производство привело к перепроизводству — предложение товаров превысило потребительский спрос, и поэтому производители обратились к запланированному устареванию и рекламе, чтобы манипулировать потребительскими расходами. Сервис Google Ngram Viewer показывает, что термин «массовое потребление» начал распространяться с 1930-х годов, а «консюмеризм» — с 1960-х. При этом термин «консюмеризм» упоминается в современных текстах в 7 раз чаще, чем термин «массовое потребление».

Примечательно, что данные термины в наше время носят выраженный негативный оттенок. Одним из первых критиков консюмеризма выступил немецкий социолог и психолог Эрих Фромм, который в 1920-е годы для обозначения проблемы чрезмерного потребления ввел термин «общество потребления»¹. До этого в западных обществах доминировала позиция протестантской этики, описанная Максом Вебером как «богоизбранность» людей, которым удалось заработать состояние (Васильева, 2018).

Довольно часто к сторонникам и «идейным вдохновителям» потребительской экономики относят американца Виктора Лебова и приводят его цитату: «Нам нужно, чтобы вещи уничтожались, сжигались, изнашивались, заменялись и выбрасывались со все возрастающей скоростью»². Данная цитата взята из заметки малоизвестного на то время американского консультанта по маркетингу В. Лебова, который описывает новые способы продвижения товаров на потребительский рынок, на сегодняшний день ставшие классикой маркетинга. В таком контексте автор использовал данную фразу скорее в качестве аллегории, акцентируя внимание на важности потребительского поведения для производителей. Также существует мнение, что официальной позицией американского правительства, послужившей отправной точ-

кой в признании экономики США потребительской, стало высказывание в 1953 г. председателя Совета экономических консультантов при президенте США Артура Бернса: «Конечная цель американской экономики — производить больше потребительских товаров». Впоследствии, однако, было установлено, что данную фразу произнес другой экономический консультант — Рэймонд Солнье, и не в 1953, а в 1959 г.³

Сегодняшняя критика потребительской экономики основана прежде всего на ее противоречии нормам устойчивого развития. Перепотребление является глобальным феноменом, определяющим механизмы функционирования современной западной социо-экономической системы и в значительной степени создающим мощный деструктивный потенциал, который проявляется в социальных и экономических дисфункциях — кризисах перепроизводства, сбоях в работе рыночного механизма, снижением мотивации к труду (Овруцкий, 2010). Для сохранения экосистем и спасения мира недостаточно внедрять новые технологии, нужно также менять систему ценностей у людей, что потребует радикальных и глобальных реформ (Важенина, 2012). Обращение к этике добродетели, отвергающей гиперпотребление, позволит людям сохранить окружающую среду, разумно используя природные ресурсы, чтобы обеспечить устойчивое развитие, которое не ставит под угрозу потребности будущих поколений (Kuhumba, 2018). Принимая вполне справедливую критику, не стоит забывать, что своим сегодняшним материальным благополучием мы обязаны не только распространению новых технологий или капитализму в целом, а именно этой модели, потребительской экономике, — она вовлекла широкие слои общества в сферы производства, распределения и использования доходов.

Появление угроз безопасности России заставило по-новому взглянуть на феномен сверхпотребления — не увеличивает ли он риски в условиях неблагоприятного окружения? Введение санкций на экспорт и на импорт привело к ослаблению российского рубля по отношению к доллару. Помощник пре-

¹ Фромм Э. 2007. *Иметь или быть?* Москва: АСТ. 320 с.

² Lebow V. 1955. Price Competition in 1955. *Journal for Retailing*. Vol. 31. Iss. 1. PP. 1–7.

³ Quote Investigator. <https://quoteinvestigator.com/2014/08/23/more-goods/>

зидента РФ Максим Орешкин объяснил ослабление рубля ростом импорта, который стал естественным следствием восстановления потребительского спроса в 2023 г.⁴ В то же время рыночные механизмы саморегулирования позволяют при необходимости сократить потребительский спрос через девальвацию рубля и рост цен на импорт.

Интересный феномен адаптации российской экономики к новым геополитическим условиям описал А. Аузан, назвав его «новым общественным договором между населением и властью»⁵. Он в целом определил общественный договор как «обмен ожиданиями по поводу прав собственности, свободы и так далее между населением и властью». Обновленный общественный договор характеризуется тем, что доходы населения не падают, потребление продолжает расти даже в условиях санкций и отвлечения ресурсов на военную промышленность. Аузан объясняет это тем, что бюджетные средства вкладываются в расширение оборонно-промышленного комплекса, создают рабочие места. Формируется «новая экономическая география периода СВО», когда в мегаполисах наблюдается некоторый спад, а подъем идет в промышленных регионах, где расположены предприятия оборонно-промышленного комплекса. Тем самым российская экономика проявляет адаптацию к внешним шокам, сохраняя все признаки потребительской экономики.

Для описания характера воспроизводственного процесса в потребительской экономике наилучшим образом подходят кейнсианская и посткейнсианская экономические теории, постулирующие тезис о том, что именно спрос является основным фактором экономического роста. Посткейнсианцы, в частности, проводят исследования ситуаций нестабильности при капитализме, уделяя особое внимание проблемам денежного обращения и возможностям денежного стимулирования экономического роста (Розмаинский, 2007). Научный и практический интерес к монетарному стимулированию экономики начал расти после мирового финансового кризиса 2008 г. и усилился во время панде-

мии COVID-19 2020 г. В противовес представителям неоклассической теории, постулирующим принцип нейтральности денег в экономике в долгосрочной перспективе, посткейнсианцы рассматривают денежное стимулирование как важнейший инструмент противодействия экономическим кризисам (Juniper, Sharpe, Watts, 2014), и их предложения в последнее время находят практическое применение.

Неблагоприятные внешние шоки, такие как мировой кризис, война или пандемия, изменяют структуру спроса, приводя к снижению экспорта, доходов и расходов домохозяйств. В случае невмешательства государства совокупный спрос может катастрофически снизиться, что приведет к спаду ВВП, снижению доходов и дальнейшему снижению спроса, в результате кризисные явления будут нарастать. Роль государственного регулирования с точки зрения посткейнсианской теории сводится к выделению финансовых ресурсов для поддержания спроса через монетарное или фискальное стимулирование. Например, снижаются процентные ставки для увеличения объемов кредитования конечного потребления и инвестиций; увеличивается объем денежной массы и бюджетных расходов.

Подобные стимулирующие инструменты достаточно широко используются в последние 15 лет в развитых экономиках, для которых внешние шоки часто неблагоприятны, но не катастрофичны. В условиях, к примеру, участия экономики в интенсивном, продолжительном военном конфликте потребуются существенное увеличение госрасходов на военные нужды и производственных ресурсов для удовлетворения спроса в «гражданских» отраслях может оказаться недостаточно. Произойдет перераспределение ресурсов между отраслями и секторами экономики в пользу оборонной промышленности и госсектора, предложение «гражданских» товаров и услуг сократится. Если в такой ситуации продолжить стимулирование совокупного спроса, появляется риск дефицита товаров и инфляции ввиду недостатка предложения.

Эмиссионное финансирование роста объемов производства военной продукции, которое сопровождалось инфляцией и деваль-

⁴ URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/09/11/21260834.shtml>

⁵ URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/07/2023/64a66a3f9a7947b78b5726b3>

вацией, наблюдалось в годы Второй мировой войны. Все страны с рыночной экономикой, участвовавшие в войне, увеличили денежную массу за период с 1939 по 1945 г.: Англия на 140%, США на 176%, Германия на 558%. На подчиненных и оккупированных территориях объем денежной массы увеличился во время Второй мировой войны еще более значительно – от 4 до 24 раз⁶.

В книге «Как платить за войну»⁷ Джон Мейнард Кейнс описывает макроэкономическую стратегию того, как Великобритания, страна с населением в то время 40 млн чел., могла бы вести длительную войну против Германии, страны с населением 80 млн чел. На момент написания этой книги ни Соединенные Штаты, ни Советский Союз не находились в состоянии войны ни с Германией, ни с Японией. В результате первым шагом Великобритании к эффективному ведению войны против Германии Кейнс предлагает мобилизацию всех ее производственных ресурсов на военные нужды, увеличивая объемы производства и одновременно сокращая объемы потребления; поэтому Великобритания должна была прибегнуть к внешним и внутренним заимствованиям. Кейнс выступал категорически против фиксирования цен и введения нормирования (т. е. ключевых элементов распределительной экономики). Вместо этого он предлагал ограничить спрос за счет новых налогов и принудительных сбережений. Последние после войны будут использоваться для стимулирования экономики в форме «отложенного спроса».

Для объяснения необходимости абсорбции части доходов в сбережения в описанном Кейнсом сценарии следует воспользоваться моделями, которые объясняют мультипликативные эффекты в экономике, и эти эффекты могут как ускорять, так и замедлять экономический рост. Модели мультипликативных эффектов, возникающих при изменении совокупного спроса, описаны в работах (Быков, Пархименко, 2022; Пархименко, 2021). В данном гипотетическом случае увеличение выпуска в оборонной про-

мышленности приведет к увеличению доходов в этих отраслях – заработной платы работников (домохозяйств), прибыли коммерческих организаций, налогов и других платежей в бюджет государства. Рост доходов секторов экономики в последующем увеличит их расходы на конечные товары и услуги, что эквивалентно увеличению внутреннего спроса. Далее, рост спроса вызовет новую волну увеличения выпуска «гражданских» товаров и услуг, роста доходов и очередного повышения спроса. Эти волны увеличения спроса, выпуска и дохода, возникающие после первоначального импульса, будут постепенно затухать и прекратятся тогда, когда постепенно все дополнительные доходы будут потрачены на прямой и косвенный импорт. Продолжительность и сила мультипликатора являются обратной величиной от предельной склонности к импорту, которая определяется отношением прямого и косвенного импорта к совокупному спросу на внутреннем рынке.

В обычной ситуации мультипликативные эффекты желательны и являются важной предпосылкой стимулирования экономического роста. Исследования В.А. Пархименко (2021), к примеру, показали, что в Беларуси на 1 денежную единицу первоначальных ассигнований на увеличение спроса (государственных инвестиций или расходов, или дополнительных доходов от экспорта) приходится дополнительный эффект в 1,5 денежных единиц в виде увеличения ВВП. В Германии при тех же условиях дополнительный эффект составит 2,5 денежных единиц; в России – 5,0; Китае – 5,3; США – 6,0; Японии – 7,4 денежных единиц.

В описанном в книге Кейнса гипотетическом сценарии, однако, мультипликативные эффекты нежелательны и опасны по двум причинам. Во-первых, они отвлекают дефицитные ресурсы из сферы их необходимого применения (в военной промышленности в случае войны) в сферу потребления. Во-вторых, мультипликативные эффекты приводят к росту импорта, ухудшают платежный баланс, способствуют нарушению финансовой стабильности. Именно поэтому, чтобы максимально ограничить действие мультипликативных эффектов, возникающих при увеличении выпуска и доходов в оборонном сек-

⁶ Бортник М.Ю. 1967. *Денежное обращение и кредит капиталистических стран*. Москва: Финансы. С. 101–103.

⁷ Keynes J.M. 1940. *How to Pay for the War; a Radical Plan for the Chancellor of the Exchequer*. London: Macmillan. 102 pp.

торе, Кейнс предлагал излишки доходов принудительно направлять в сбережения. После выхода из кризисной ситуации (например, войны или эпидемии) накопленные сбережения будут снова перенаправлены на рост потребления «гражданских» товаров и услуг и будут способствовать быстрому восстановлению потребительской экономики. Следует уточнить, однако, что во времена Кейнса еще действовал золотой стандарт, поэтому сохранность сбережений гарантировалась их привязкой к стоимости драгоценных металлов.

В наше время, когда золотой стандарт давно отменен, такой стратегии препятствуют следующие факторы: 1) инфляция фиатных валют не гарантирует домохозяйствам сохранности сбережений, накопленных путем аккумуляции доходов (Khan, 2015); 2) импортоемкость современных экономик, и особенно белорусской, сегодня гораздо выше, чем во времена Кейнса в Великобритании, что стало следствием глобализации. Поэтому, даже в случае направления части доходов в сбережения, экономика рискует столкнуться с дефицитом импорта и валютным шоком.

Несмотря на данные обстоятельства, предложенные Кейнсом меры теоретически реализуемы в современных условиях. Они раскрывают возможности применения рыночных инструментов для адаптации потребительской экономики к неблагоприятным внешним шокам. В таких условиях экономика остается рыночной, но уже вряд ли ее можно назвать в полной мере потребительской ввиду существенного ограничения потребительского спроса.

***Адаптация экономик мира
к последствиям пандемии COVID-19:
результаты исследования
Международной организации труда***

30 ноября 2022 г. Международная организация труда (МОТ) опубликовала «Глобальный отчет о заработной плате за 2022–2023 годы: влияние инфляции и COVID-19 на заработную плату и покупательную способность»⁸. В Отчете констатируется, что

впервые с начала XXI в. реальная заработная плата в глобальном измерении снизилась, в реальном выражении месячная зарплата в первой половине 2022 г. упала на 0,9%. Причиной тому стал серьезный инфляционный кризис в сочетании с глобальным замедлением экономического роста.

По некоторым оценкам, пандемия COVID-19 привела порядка 75–95 млн чел. в мире к состоянию крайней бедности. Наибольшее влияние на изменение реальных доходов населения оказала инфляция: практически во всех регионах мира номинальные зарплаты выросли, но реальные сократились. В наибольшей степени негативные последствия пандемии ощутили жители стран с уровнем дохода ниже среднего.

По реакции на последствия пандемии в части изменений уровня оплаты труда все страны можно разделить на две группы: компенсирующие зарплаты для лиц, находящихся на карантине, и снижающие зарплаты. К первой группе относят развитые страны: в Великобритании, Греции, Португалии, Франции средняя зарплата в 2020 г. выросла на 2–7% в сравнении с 2019 г. В развитых странах в качестве меры противодействия COVID-19 были повышены минимальные ставки оплаты труда. Так, в Германии и США с 2015 по 2022 г. минимальные зарплаты в номинальном исчислении выросли на 20%, в Великобритании – на 19%, Испании – на 31%, Болгарии – на 35%. При этом в большинстве стран этой группы (США, Великобритания, Швейцария) коэффициент Джини снизился, что свидетельствует об уменьшении неравномерности доходов в обществе.

В ряде стран второй группы, например в Колумбии, Вьетнаме, Аргентине, других странах Латинской Америки и Азии, средние зарплаты упали до 26%, а коэффициент Джини вырос (усилилась неравномерность доходов). В странах Африки средние реальные зарплаты снижались ежегодно, начиная с 2015 г., при этом стоимость продуктов питания с 2015 по 2020 г. выросла в 1,5 раза, а с 2020 по 2022 г. – еще в 2–3 раза.

При расчете изменений реальной зарплаты в период с 2020 по 2022 г. аналитики МОТ на примере выборки из 11 стран провели декомпозицию факторов, влияющих на

⁸ Global Wage Report 2022–23: The impact of inflation and COVID-19 on wages and purchasing power. URL: https://www.developmentaid.org/api/frontend/cms/file/2023/03/wcms_862569.pdf

доходы, включая: изменение отработанного времени, изменение номинальной начисленной зарплаты и инфляцию. Установлено, что в большинстве стран в 2020 и 2021 гг. реальные доходы снижались за счет уменьшения отработанного времени – люди теряли работу или находились на карантине. В большинстве развитых стран снижение доходов было компенсировано приростом номинальных зарплат; в большинстве стран с доходами ниже среднего такие компенсации отсутствовали или были минимальны. В результате с 2021 г. рост номинальной зарплаты положительно сказался на доходах занятых, однако рост инфляции нивелировал влияние данного фактора на реальные зарплаты. Негативный вклад инфляции в реальные доходы населения в 2022 г. усилился. В результате МОТ констатирует, что в 2021 – 2022 гг. совпали два кризиса – кризис COVID-19 и кризис стоимости жизни.

Примечательно, что рост цен стал значимым фактором снижения доходов даже в тех странах, которые не увеличивали номинальную зарплату в качестве компенсационной меры во время карантина 2020–2021 гг. – например, в Колумбии, Перу, Вьетнаме, Индонезии. В данном случае рост цен обусловлен сокращением объема предложения отечественных и импортных товаров и услуг вследствие нарушений цепей поставок. При этом не исключено, что некоторые крупные корпорации могли воспользоваться «общей инфляционной средой» для повышения цен на свою продукцию и увеличения прибыли.

В качестве основной меры по борьбе с инфляцией МОТ рекомендует правительствам поддерживать наемных работников и их семьи предоставлением им адекватной зарплаты. Иными словами, Международная организация труда и далее видит основным способом борьбы с бедностью просто увеличение зарплат, в том числе из бюджетных источников.

Между тем результаты проведенного детального анализа влияния COVID-19 и действий правительств в отношении доходов населения во всем мире позволяют установить причинно-следственную связь между событиями. Представляется, что развитые страны (США, ЕС, Япония) выбра-

ли стратегию финансовой поддержки населения во время карантина. С этой целью увеличение зарплат финансировалось из бюджета, а дефицит бюджета покрывался за счет эмиссии. В 2020–2021 гг. более 13 трлн долл. США в мире (около 15% от годового мирового ВВП) было выделено на фискальные стимулы, в том числе прямые выплаты населению⁹, позволившие восстановить уровень потребления. Большинство стран с низким и средним доходом не имело возможности эмиссионного финансирования компенсации снижающихся зарплат, потому и не оплачивало гражданам нахождение на карантине. Денежная эмиссия в развитых странах в совокупности с глобальным снижением предложения товаров и услуг вызвали инфляцию. Рост цен в итоге затронул всю мировую экономику и уменьшил реальные доходы даже в тех странах, которые финансовой поддержки населению не оказывали. Таким образом, получается, что нахождение населения развитых стран на карантине оплатил весь мир через рост инфляции и снижение реальных доходов домохозяйств.

Эмпирический анализ изменений макропоказателей экономик в условиях неблагоприятных внешних шоков

Гипотеза 1. Неблагоприятные внешние шоки (войны, эпидемии, социальные кризисы) должны приводить к снижению расходов домохозяйств (по отношению к ВВП) и, как следствие, препятствовать стабильному развитию потребительской экономики.

Статистика отдельных элементов конечного спроса, включая расходы домохозяйств в процентах к ВВП, по различным странам за период с 1950-х годов по настоящее время приводится на сайте CEIC Data. В табл. 1 показаны уровни расходов домохозяйств к ВВП по состоянию на 2022 г., а также в годы, когда они достигали максимальных или минимальных значений. Выбраны страны с наибольшей, а также с минимальной вариацией показателя.

Анализ показывает, что максимальный уровень расходов домохозяйств (около 100% к ВВП и выше) свойственен эконо-

⁹ URL: <https://rg.ru/2022/02/16/pochemu-mirovaia-inflaciia-stala-rekordnoj-za-poslednie-sorok-let.html>

Расходы на конечное потребление домохозяйств, % к ВВП, в отдельные годы по странам

Страна	2022 г.	Год максимума	Год минимума	Комментарии
Ирландия	27,8	1996 / 55	2021 / 25	Профицит счета текущих операций в 19% к ВВП сокращает отношение конечного потребления домашних хозяйств к ВВП
Китай	37,8	1962 / 71	2010 / 35	Инвестиции превышают 40% к ВВП, чистый экспорт положительный, что сокращает долю потребления домохозяйств в ВВП
Кувейт	41,4	1991 / 93	1974 / 14	В 1974 г. произошел рост чистого экспорта за счет роста цен на нефть, в 1991 г. – его спад из-за войны в Персидском заливе
Дания	45,4	1995 / 51	2022 / 44	Показатель наиболее стабилен
Россия	53,4	1999 / 60	1993 / 47	Рост доли потребления домохозяйств в 1999 г. стал следствием дефолта предыдущего года
Беларусь	53,5	1995 / 60	2012 / 47	Ситуация противоположна российской
Польша	58,3	2002 / 65	2020 / 55	Изменения компонентов ВВП – инвестиций, чистого экспорта, госрасходов
Украина	60,8	2020 / 74	н/д	Зарубежная финансовая помощь соизмерима с компонентами ВВП, она не позволяет потреблению столь сильно снизиться при экономическом спаде
Великобритания	63,5	1955 / 67	2021 / 58	Относительно низкие госрасходы
Камбоджа	65,2	1993 / 101	2021 / 62	Бедная страна, коллапс государства в 1990-е годы
США	68,3	2011 / 69	1967 / 59	Стабильно низкие госрасходы, хронический торговый дефицит
Бангладеш	69,1	1976 / 99	2016 / 67	Низкий уровень доходов, почти все доходы идут на потребление
Ливан	106	2020 / 106	1990 / 56	Дефолт 2020 г. привел к коллапсу госрасходов

Источник. Авторская разработка по: URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/united-kingdom/private-consumption-of-nominal-gdp>

микам, находящимся в глубоком кризисе, который часто сопровождается коллапсом государства и приводит к чрезвычайно низким среднедушевым доходам – в Ливане в 2020 г., в Бангладеш в 1976 г., в Камбодже в 1993 г. По всей видимости, кризисы в перечисленных случаях не были своевременно купированы и фактически привели к разрушению экономик.

Минимальные уровни расходов домохозяйств по отношению к ВВП свойственны экономикам в периоды их бурного роста, сопровождающегося глубокими структурными изменениями. Низкая доля расходов домохозяйств в Кувейте (14% в 1974 г.) вызвана образованием торгового профицита из-за резкого роста доходов от экспорта нефти. Похожая ситуация сложилась в Ирландии в 2021 г., когда расходы домохозяйств составили 25% к ВВП на фоне торгового профицита вследствие роста экспорта фармпрепара-

тов и ИТ-услуг. В Китае низкие расходы домохозяйств (35% в 2010 г.) обусловлены чрезвычайно высокой долей инвестиций, до 50% к ВВП, при наличии торгового профицита.

В большинстве же европейских стран с экономической моделью, близкой к социальной рыночной экономике, исследуемый показатель относительно стабилен и составляет 45–55% к ВВП. В США и Великобритании доля расходов домохозяйств обычно выше вследствие более высокой доли частного сектора в ВВП.

Выдвинутая гипотеза в целом не подтверждается. В условиях глубоких кризисов отношение расходов домохозяйств к ВВП чаще всего не снижается, а растет, при этом сокращаются госрасходы и инвестиции. Такая картина указывает на провалы государства, не сумевшего вовремя купировать кризис. И наоборот, снижение пропорции «расходы домохозяйств/ВВП» ча-

сто происходит в благоприятные периоды бурного экономического роста.

Гипотеза 2. В периоды кризисов используются фискальные и монетарные инструменты стимулирования спроса.

В рамках гипотезы рассмотрены данные по экономике США за период с 2001 по 2022 г. В частности, рассчитаны ежегодные изменения трех показателей, каждый из которых оценен в процентах к ВВП – госрасходов, госдолга и денежной массы M2 (рис. 1).

Существенный рост всех трех показателей происходит во время кризисов – финансового кризиса 2008–2009 гг. и коронакризиса 2020 г. Государство компенсирует их последствия для населения и бизнес-сектора через увеличение госрасходов, которое финансируется как за счет эмиссии, так и через увеличение госдолга. Наиболее ярко данный механизм проявился в 2020 г. В 2009 г. госрасходы выросли в меньшей степени, поскольку поддержка экономики со стороны ФРС заключалась в покупке неликвидных банковских активов, что получило название количественного смягчения.

В посткризисные годы госрасходы снижаются, увеличение госдолга останавливается, происходит «нормализация» денежной массы. Механизмы нормализации разные, поэтому попытки построить универсальную регрессионную модель, отражающую взаимосвязь показателей, не увенчались успехом. Несмотря на то, что попарные коэффициенты корреляции между показателями достаточно высоки, от 0,69 до 0,73, и для всех коэффициентов регрессионного уравнения уровень значимости $p < 0,05$, в самом регрессион-

ном уравнении присутствует положительная автокорреляция остатков.

С начала 2023 г. произошло ужесточение денежной политики через рост ставки ФРС. Затем, после отмены потолка госдолга, государство нарастило объем заимствований, началось изъятие денежной массы в государственные облигации. Приведенный пример подтверждает гипотезу о том, что монетарные и фискальные стимулы используются в развитых экономиках для противодействия кризисам различной природы.

Гипотеза 3. Наличие резервных производственных мощностей позволяет сгладить негативные последствия внешних шоков.

В данном случае рассмотрен пример с пандемическим кризисом Covid-19. Отдельные экономики оказались по-разному готовы к пандемическому кризису, в частности по уровню обеспеченности койко-местами в больницах. Чем больше койко-мест было в наличии на начало пандемии, тем больше больных смогли своевременно изолировать и вылечить, тем самым растянув течение эпидемии и снизив ее негативные последствия для экономики. В работе (Sussman, 2020) на примере выборки стран показана отрицательная корреляция между показателями уровня обеспеченности койко-местами в больницах и уровнем смертности от COVID-19, а также положительное влияние уровня обеспеченности койко-местами на экономику во время пандемии.

Рассмотрены два показателя для выборки стран – число больничных коек на 10 тыс. чел. населения и индекс роста (или снижения) ВВП в 2020 г. (рис. 2). Корреляция между

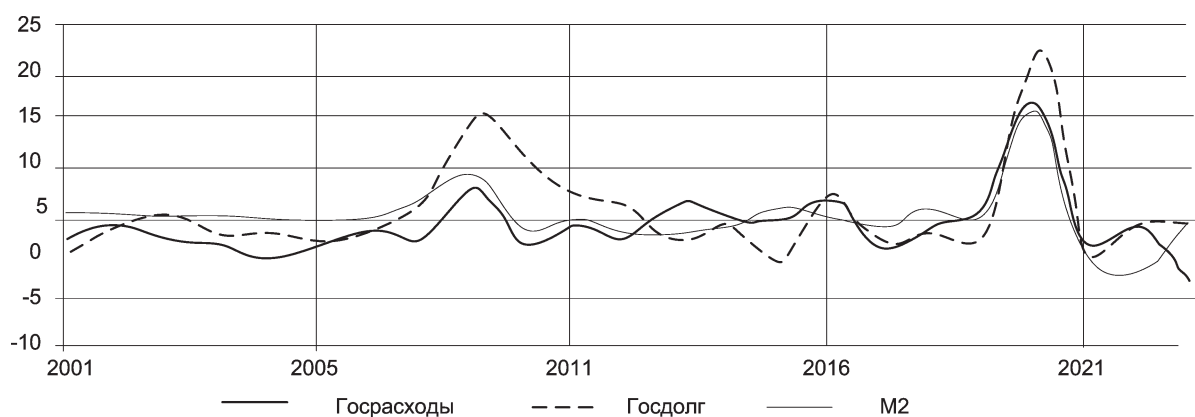

Рис. 1. Изменение показателей в экономике США, % к ВВП, год к предыдущему году
 Источник. URL: <https://tradingeconomics.com/>

показателями по выборке стран составляет 0,69. Страны с низким количеством больничных коек на душу населения были вынуждены вводить более глубокий и продолжительный карантин и строить ковид-госпитали, что негативно повлияло на темпы экономического роста. Безусловно, были и другие факторы, определившие экономические последствия пандемии – объемы и скорость вакцинации населения, зависимость экономики от сферы услуг, плотность населения, поэтому взаимосвязь показателей выборки ниже 100%.

Таким образом, рассмотренный пример по большей части подтверждает выдвинутую гипотезу и подводит к выводу о том, что предварительная готовность к неблагоприятным внешним шокам в части обеспеченности необходимыми ресурсами помогает сгладить негативные последствия этих шоков для экономики. Вопрос все же состоит в том, к какому именно виду кризиса нужно быть готовым. Обеспечение национальной безопасности в отношении различных ее составляющих требует отвлечения ресурсов на содержание резервных мощностей – в сфере здравоохранения, энергетики, военно-промышленного комплекса, сельского хозяйства и пр. Чем больше ресурсов отвлекается, тем ниже общая эффективность экономики, поэтому основная сложность состоит в оценке рационального уровня затрат на подготовку и предотвращение кризиса с учетом предпо-

лагаемой вероятности его наступления и ожидаемого ущерба.

* * *

В последние годы количество и сила кризисов усиливаются, и часто кризисы имеют внеэкономическую природу, в этом случае их можно назвать внешними шоками. Потребительская экономика, целью которой является обеспечение возможностей населению максимизировать свои доходы и увеличить потребление, слабо приспособлена к противодействию кризисам, если в этой экономике отсутствует эффективная и мощная система государственного регулирования. В условиях потребительской экономики люди интенсивно работают под воздействием механизма внутренней мотивации. Такая система организации рыночной экономики чрезвычайно результативна в части стимулирования людей к труду и обеспечения высокой производительности. При этом она остается достаточно хрупкой и неустойчивой в условиях нарастания угроз и неблагоприятных явлений.

В практике государственного антикризисного регулирования чаще всего используются монетарные и фискальные инструменты регулирования внутреннего спроса. Они показывают высокую результативность в противодействии экономическим кризи-

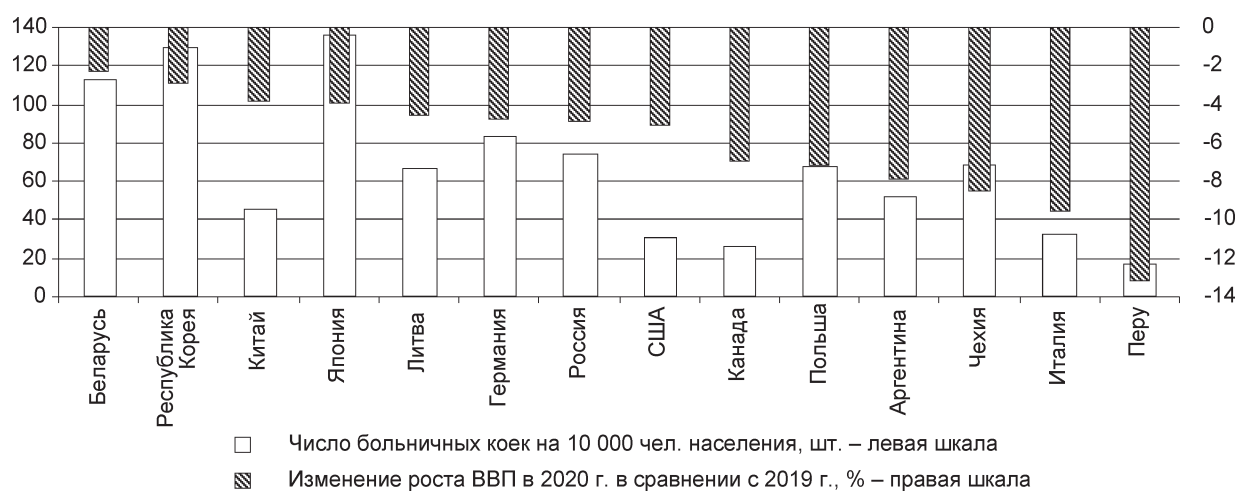

Рис. 2. Взаимосвязь количества койкомест в больницах и экономического спада в период пандемии COVID-19 в 2020 г.

Источник. [https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/hospital-beds-\(per-10-000-population\)](https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/hospital-beds-(per-10-000-population))

сам циклического характера и не менее успешно применяются в противодействии внешним шокам. Не исключено, что высокий потенциал совершенствования данного рода инструментов заложен в сфере цифровых финансов. Например, проектирование цифровых валют центральных банков со специальными свойствами позволит регулировать потребление домохозяйств и сбережения в условиях кризисов, перераспределять средства между отраслями и секторами экономики. При этом, находясь под воздействием внешних шоков, рыночные экономики обычно теряют свойства потребительских экономик по мере углубления кризиса, но впоследствии могут их восстановить. Вероятно, при таких глубоких кризисах прямое государственное управление особо значимыми для национальной безопасности сферами не навредит.

Снижение уровня потребления домохозяйств в условиях кризиса не так опасно, как возможный коллапс государства, которое оказалось неспособным противостоять внешним шокам. Для благоприятного преодоления кризиса между государством и населением необходимо достигнуть определенного уровня доверия, который оформляется в виде неформального общественного договора. Население должно верить, что после преодоления кризиса сможет воспользоваться накопленными доходами, – они будут справедливо распределены и не потеряют свою стоимость. Государство, в свою очередь, ожидает от населения не менее интенсивных усилий, направленных на преодоление кризиса, чем если бы люди работали для удовлетворения собственных потребностей.

Существенный задел для успешного преодоления кризисов вносит предварительная подготовка в виде накопления и поддержания резервов производственных ресурсов. Содержание резервов снижает производительность экономики, поэтому важно постоянно оценивать риски и поддерживать баланс между дополнительными расходами, связанными с предотвращением кризисов, и тем ущербом, который может быть получен при отсутствии должных резервов.

Перечисленные выводы и рекомендации могут иметь определенную значимость в условиях таких кризисов, которые по своему

масштабу сопоставимы с известными в новой истории. Не следует исключать более масштабных и деструктивных кризисных явлений, с которыми современные экономики еще не сталкивались. Соответственно, действия по преодолению подобных кризисов сложно спланировать заранее, их придется разрабатывать «с чистого листа».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

Быков А.А., Пархименко В.А. 2022. Импортозамещение в белорусской промышленности: потенциал, эффективность, моделирование. *Белорусский экономический журнал*. № 1. С. 79–96. [Bykau A.A., Parkhimenka V.A. 2022. Import Substitution in the Belarusian Industry: Potential, Efficiency, Modeling. *Belorusskiy ekonomicheskij zhurnal*. No 1. PP. 79–96. (In Russ.)] DOI: 10.46782/1818-4510-2022-1-79-96

Важенина И.С. 2012. Возвышение потребностей и «тупики» потребления. *ЭКО*. Т. 2. № 11. С. 131–144. [Vazhenina I.S. 2012. Increasing Needs and «Dead Ends» of Consumption. *EKO*. Vol. 2. No 11. PP. 131–144. (In Russ.)] DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2012-11-131-144

Васильева И.Л. 2018. Основания стратегий консюмеризма и антиконсюмеризма в динамике общества. *Научные труды Белорусского государственного экономического университета*. Вып. 11. С. 621–625. [Vasilyeva I. 2018. Bases of Strategies of Consumerism and Anti-consumerism in Dynamics of Society. *Nauchnye trudy Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. Vyp. 11. PP. 621–625. (In Russ.)]

Овруцкий А.В. 2010. Глобальный кризис как кризис сверхпотребления: социально-философские аспекты. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. № 4. С. 102–105. [Ovrutsky A.V. 2010. Global Crisis as a Crisis of Overconsumption: Socio-philosophical Aspects. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. No 4. PP. 102–105. (In Russ.)]

Пархименко В.А. 2021. Оценка межотраслевых мультипликативных эффектов, вызываемых экспортными шоками. *Белорусский экономический журнал*. № 3. С. 40–57. [Parkhimenko V.A. 2021. Assessment of Input-Output Multiplicative Effects Caused by Export Shocks. *Belorusskiy ekonomicheskij zhurnal*. No 3. PP. 40–57. (In Russ.)] DOI: 10.46782/1818-4510-2021-3-40-57

Розмаинский И.В. 2007. Денежная экономика как основной «предметный мир» посткейнсианской теории. *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. Т. 5. № 3. С. 58–68. [Rozmainkiy I.V. 2007. Monetary Economy as the Main «Subject World» of the Postkeynesian Theory.

Ekonomicheskiy vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 5. No 3. PP. 58–68. (In Russ.)]

Juniper J., Sharpe T.P., Watts M.J. 2014. Modern Monetary Theory: Contributions and Critics. *Journal of Post Keynesian Economics*. Vol. 37. Iss. 2. PP. 281–307. DOI: 10.2753/PKE0160-3477370205

Khan H. 2015. The Impact of Inflation on Financial Development. *International Journal of Innovation and Economic Development*. Vol. 1. Iss. 4. PP. 42–48. DOI: 10.18775/ijied.1849-7551-7020.2015.14.2004

Kuhumba K.S. 2018. Hyper-consumerism: Rethinking Virtue Ethics and Moral Solution in Contemporary Society. *Journal of Sociology, Psychology and Anthropology in Practice*. Vol. 9. No 2. PP. 114–124.

Stearns P.N. 2006. *Consumerism in World History: The Global Transformation of Desire*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9780203969885

Sussman N. 2020. Time for Bed(s): Hospital Capacity and Mortality from COVID-19. *COVIDEconomics*. Iss. 11. PP. 116–131.

CRISIS-PROOF REGULATION OF THE CONSUMER ECONOMY: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS

Aliaksei Bykau¹ (<https://orcid.org/0000-0003-2005-9061>)

Nataliya Khaustovich¹

Sergey Hurynovich¹ (<https://orcid.org/0009-0000-2983-9641>)

¹ Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus).

Corresponding author: Aliaksei Bykau (aliaksei.bykau@yandex.ru).

ABSTRACT. The article studies the problem of the stability of a market economy, driven by stimulation of consumer demand, to unfavorable external shocks of a geopolitical, social, and natural kind. The measures that have been used in modern history to counteract such shocks are analyzed. Some examples of states' reactions to external shocks, including the COVID-19 pandemic or a military threat, are considered. The authors offer recommendations for the use of government crisis-proof regulation measures, mainly of a monetary and fiscal nature, aimed at neutralizing external shocks.

KEYWORDS: crisis-proof regulation, monetary and fiscal stimulus, household expenditures on final consumption, COVID-19 pandemic, military expenditures.

JEL-code: E12, H12, H56.

DOI: 10.46782/1818-4510-2023-4-103-114

Received 27.11.2023

In citation: Bykau A., Khaustovich N., Hurynovich S. 2023. Crisis-Proof Regulation of the Consumer Economy: Opportunities and Limitations. *Belorusskiy ekonomicheskiy zhurnal*. No 4. PP. 103–114. DOI: 10.46782/1818-4510-2023-4-103-114 (In Russ.)

